

ТЫ НЕ ХАЛЯВЩИК, ЛЁНЯ,

Кн. обозрение. — 1995. — 31 сенб. — С. 14—15

Процветало б «МММ»,
Сердце б не болело бы.

Между прочим, все это — частушки, «сложенные акционерами АО «МММ», как явствует из примечаний книги, о которой будет вестись речь. Конечно, это не Фет. Но все-таки — «посильнее «Фауста», как сказал бы, пряча добрую улыбку в усы, Лучший Друг всех акционеров «МММ».

Наконец-то свершилось: нас признали идиотами.

Мы были кондукторшами трамвая, на котором загримированный вождь пребирался ночным Петроградом в Смольный.

Мы были ходоками, приходившими к Ильичу пить чаек и говорить за-про жизнь. Мы были трактористами и кубанскими казаками (в одноименных кинонетленках). Мы следили за полетом Гагарина и болели за Фиделя на его далеком острове Свободы... Мы простодушно верили своим вождям, носили их портреты, на которых они — щечка к щечке — глядели впе-

ред — в наше лучезарное будущее. Мы аплодировали их великой прозорливости, а во всех неудачах и ошибках винили себя...

Наши вожди называли нас в своих исторических докладах «массой» и уж наверняка были невысокого мнения о наших умственных способностях (сносителями высокого ума — с теми, «кого призвали всеблагии как собеседников на пир», они знали, как поступать! И поступали!). Но идиотами нас за эти семьдесят с лишним лет не считали! Во всяком случае — в глаза.

Книга Владимира Пермякова, записанная с его подачи кинодеятелем Андреем Пылаевым (кстати, кто такой?) «Как я стал Лёней Голубковым» (М.: СИРИН, 1994. — 188 с. Тираж 50 000 экз.), стала нашим зеркалом, смотреться в которое страшно: когда бы кто бы в него ни заглянул, в ответ на него будет глядеть лопоухий, одураченный совковый идиот, простодушно продолжавший верить — в атомном и бунташном веке — в

А теперь прониклись высоким чувством народной поэзии? Гм? Странно!

В поле б маки не цветли,
Поле б не алело бы.

Художника должно судить по законам, признаваемым им над

собою... По каким законам судить создателей этой книги? Допускаю в качестве контрапункта:

Честь безумцу, который навеет человечеству сон золотой...

попытками как-то строить жизнь в этом лучшем из миров поудобнее и реализовать себя. Вот это последнее, пожалуй, самое главное. Реализовать себя в деле, нужном людям...

Честно сказано. Честно — и бесовесно. Скажете: цинизм, идущий от провинциальной искренности... Чеховский дядя Ваня тоже был провинциалом. И — и отдал последние деньги. А теперь — стоит на Варшавке, митингует. Хотя нет, бросил митинговать: разуверился в правде.

«Я хочу работать — играть роли, снимать фильмы. И мыслью постоянно возвращаюсь в бывшность. В то время, а оно тут рядышком, рукою достать можно, — когда я был никем.

Мой послужной список велик — я грузил лес, играл на сцене, работал токарем по лимиту,

снова играл, снимался в кино и писал свои никому не нужные сценарии.

Это жизнь обычного человека с устремлениями к лучшему. с

Художника должно судить по

законам, признаваемым им над

законам, признаваемым им над